

Но вновь и вновь проступает сквозь светящийся мрак *человеческая* фигура с крылышками на пятках. Это *ртуть, мать всех металлов*, воплощение начальной мысли *Гермеса* в противовес *Урании*, свидетельствующей бесплотную мечту. И, наконец, самый химический портал собора Парижской богородицы: *Иов* на камне цвета ляпис-лазури с золотыми краями, вырезанными по повелению *Гильома Парижского* (XIII в.). *Иов*, по мнению адептов, и есть *философский камень*, который должен, дабы стать совершенным, подвергнуться испытаниям. Причем испытания эти, не затрагивая формы, не вредят и душе.

Таковы внешние приметы алхимического мифа, из которых сложена величественная постройка романтической готики середины XIX века, воздвигнутая *Гюго*. Да и сам этот собор — тоже примета алхимического мифа, переосмысленного в новой литературе. Не астрология и не кабала, а именно *алхимия — истинная и непреложная наука*, ищущая затвердевшее *огонь-золото* и подземный *лед-хрусталь*. Она — *целительная наука, сродни медицине*, этой, по *Яввлиху* (III—IV в.), *славной дочери сновидений*. Алхимия, ищущая *золото-солнце*, но познающая и человека, лед и пламень двойственной — небесно-земной — человеческой души. Здесь-то и начинается роман *Гюго* как алхимический процесс, ставший литературой XIX века и потому переставший быть алхимическим процессом. Явлено его былое алхимическое содержание, вызванное к новой жизни из исторических потемок середины европейских средних веков.

Собор Парижской богородицы для *Гюго* — величественный образ средневековой эпохи, двойственный ее образ. Высокая готика и химеры на ее фасаде. Нераздельные крайности, формирующие архитектурное целое. Герои романа — разноипостасные отсветы этого целого. Прежде всего дитя цыганского язычества плюсуныя *Эсмеральда* вместе со своей обезьяничающей козочкой *Джали*. Вслушайтесь: *Эсмеральда — smaragd — изумруд; «Tabula smaragdina»* лунно-почного *Гермеса*. Всмотритесь: козочка *Джали*, которая насмехается, дразнит. Игровая атмосфера алхимических трансмутаций-оборотничеств; в последнем счете пресуществленческих оборотничеств. *Клод Фролло* и *Квазимодо* — два романских объекта алхимических метаморфоз, осуществленных чудодейственным, вне добра и зла пребывающим медиатором, составленным из чистого лунного света, — *Эсмеральдой*. «*То был ангел, но ангел мрака, сотканный из пламени, а не из света*» (с. 12, 77). Если *Клод Фролло* трансмутирует от *fas* к *nefas* — от *дозволенного* к *недозволенному*, *Квазимодо* совершает обратный путь к христиански дозволенному. *Нисходящая и восходящая трансмутации*. К пороку, греху — благостыне, «*высочайшей высоте высот*». Однако предпосылка к этим превращениям — только в них самих. Их двойная, *ребисподобная* алхимическая природа. О *Клоде Фролло* *Гюго* говорит: «*Быть может, он даже поставил свою душу на карту ради того, чтобы принять участие в той мистической трапезе алхимиков, астрологов и герметиков, где верхний конец стола в средние века занимал Аверроэс, Гильом Парижский*